

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(470)_"1914/1918"_ "1917"

ПРЕДСКАЗУЕМОЕ ПРОШЛОЕ В НЕПРЕДСКАЗУЕМОМ БУДУЩЕМ? ЮБИЛЕЙ РЕВОЛЮЦИИ, ПОЛИТИКА ПАМЯТИ И КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Б. И. Колоницкий

Европейский университет в Санкт-Петербурге, факультет истории, Российская Академия наук, Санкт-Петербургский институт истории, г. Санкт-Петербург, Россия

Статья посвящена современной российской политике памяти. Автор показывает, как существующая культурная память о Первой мировой войны и революции 1917 г. ограничивает возможности проектов политики памяти. Поэтому можно ожидать, что юбилей 2017 г. будет использоваться различными нынешними политиками в собственных интересах. В настоящее время возможности реального национального примирения ограничены в той степени, в какой затрагивается память о революции. В то же время все противоречивые проекты памяти используют соответствующие инструменты интерпретации: многие политические деятели рассматривают революцию 1917 года (и феномен революции вообще) как следствие заговора. На данном историческом этапе вряд ли придется ожидать, что сообщество историков сможет повлиять на культурную память.

Ключевые слова: *Российская революция 1917 года, Первая мировая война, юбилей, историческая память, политика памяти, культурная память, коммуникативная память, культурная память и историография.*

Приближающийся юбилей Российской революции 1917 года интригует многих. Зарубежные коллеги меня часто спрашивают: «Как будут вспоминать революцию в 2017 году?». Доходят слухи о съёмках псевдоисторических фильмов, о подготовке циклов телевизионных программ, «юбилейных» конференциях – научных и научнообразных. Нет никаких сомнений в том, что в разные «исторические» проекты уже инвестированы значительные средства, а юбилей будет способствовать повышению жизненного уровня многих историков, режиссёров, сценаристов, скульпторов. И всё-таки получатели гонораров и их работодатели не могут точно предсказать, как будет вспоминаться Российская революция в 2017 г.

Россию часто называют «страной с непредсказуемым прошлым». Современную Российскую Федерацию можно назвать «страной с ОСОБЕННО непредсказуемым прошлым» (автор данной статьи не намерен ни чрез-

мерно экзотизировать Россию, ни «нормализовать» её нынешнее состояние, вслед за Юттой Шеррер считает важным сопоставлять культурно-политические процессы России с другими странами¹).

Представляется, что можно говорить о следующих факторах непредсказуемости, некоторые из них являются факторами общими, соответствующими глобальным трендам, а некоторые – специфически российскими:

1. России присуще ограничение сферы публичной политики, отсутствие же общественной открытой дискуссии по многим вопросам приводит к тому, что политика памяти приобретает гипертрофированную и чрезмерную роль, выполняет роль суррогата для других видов политики.

2. Существует – не только в России – преувеличенное представление, циничное и одновременно наивное, о политических технологиях. Похоже, многие представители элит считают, что финансовые вложения гарантируют продвижение любого проекта политики памяти, делают возможным любые манипуляции с исторической памятью.

3. Непредсказуемые повороты внешней политики России могут повлечь и резкие изменения в реализации политики памяти.

4. Сложно предвидеть, как проект политики памяти будет использован и как он повлияет на представления об истории и на историческую память.

И всё же можно сделать некоторые предположения относительно того, как будет проходить юбилей 2017 года. Творцы исторической политики всегда существенно ограничены в своих действиях имеющимися ресурсами разного рода, соответственно любой, проект может быть успешным лишь в том случае, если эти ограничения используются, по крайней мере, учитываются.

Можно назвать немало трудов специалистов по культурной памяти и исторической политике – социологов, историков, политологов, которые проводят важные исследования, посвящённые изучению школьных учебников, официальной организации празднеств и изучению российского случая в сравнительной перспективе. В отличие от них автор выступает прежде всего как историк Российской революции, который не может не интересоваться тем контекстом, который влияет на восприятие его исследований. При этом используется собственный опыт изучения политических и культурных процессов для понимания такой рамки своей деятельности.

Люди, претендующие на руководство политикой памяти и пытающиеся влиять на культурную память, почти всегда ограничены в своих действиях следующими обстоятельствами:

Во-первых, предшествующие проекты политики памяти имеют некоторую инерцию, в подобной ситуации довольно сложно совершать резкие повороты, это может привести к дестабилизации сложившейся уже системы политической легитимации.

¹ См.: *Scherrer Jutta* *Erinnern und Vergessen: Russlands Umgang mit (seiner) Geschichte in einer europäischen Perspektive // Geschichtspolitik und Erinnerungskultur im neuen Russland (Formen der Erinnerung) / Lars Karl: Igor Polianskii. Göttingen, 2009. S. 23–40.*

Во-вторых, в большой исторической перспективе любой проект памяти должен иметь некую научную поддержку (не говорю о тех обладателях научных степеней, которые берут на себя роль идеологической obsługi). Игнорировать профессиональную экспертизу историков можно долго, но со временем подобный проект политики памяти становится уязвимым и даже опасным для его творцов (шок от ознакомления с «белыми пятнами истории» в эпоху «перестройки» стал важным ресурсом антисистемной политической мобилизации).

В-третьих, и это особенно важно, любой проект исторической политики ограничен контекстом культурной памяти, который не может быть изменён быстро. Этот культурный контекст ограничивает выбор информационных посланий, влияет на форму этих посланий и влияет на их восприятие аудиторией.

Термин «культурная память» противопоставлялся Яном Ассманом «коммуникативной памяти». Эта оппозиция особенно актуальна в 2017 г., ибо коммуникативная память о революции неизбежно становится сейчас иной: ещё живо немало людей, которые беседовали с участниками революции, но их число сокращается.

I. 1987 – 2007.

Память о революции была доминирующим проектом исторической политики СССР, лишь впоследствии она была потеснена проектом памяти о Великой Отечественной войне². Однако память о революции продолжала оставаться сакрализирующим и легитимирующим мифом об основании нового общества.

Революция была важнейшим «местом памяти» СССР, память поддерживалась созданием всё новых памятных мест, церемониями и ритуалами, важными текстами и образами, многие из них стали важными элементом российской культуры, оказали воздействие на культуру иных стран. В рамках большого проекта возникали проекты частные, между ними возникала порой напряжённость, это придавало устойчивому канону и некоторый динамизм. У памяти о революции в СССР были пространственные привязки (общенациональные и локальные), годовой цикл поминовения, в нём важнейшую роль играл день 7 ноября, который после парада 1941 года связывал память о революции с памятью о Великой Отечественной войне. Любой советский человек НЕ МОГ НЕ ЗНАТЬ ЧТО-ТО о революции. Порой эта информация, полученная через проект памяти, создавала лишь иллюзию знания, но что-то про 1917 г. знали все – Ленин, лозунг «Вся власть Советам», шалаш Ленина, Смольный, «штурм Зимнего», залп «Авроры» и пр. Это был важный ресурс, который, однако, был открыт для разного, порой непредсказуемого использования.

² См.: *Frederick C. Corney* Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution. Ithaca: Cornell University Press, 2004, P. 301.

Впрочем, именование культуры памяти о революции «советской» является сильным упрощением. И даже название известной монографии «Большевистские праздники»³ не вполне точно отражает историю их возникновения и бытования.

Во-первых, Октябрь – не говоря уже о Феврале – был не только большевистской революцией. Левые эсеры, анархисты, беспартийные активисты считали эту революцию своей. Среди «героев Октября» были многие будущие участники «антисоветских» восстаний эпохи Гражданской войны, включая тамбовских повстанцев и участников «Кронштадтского мятежа». Большевики стремились «большевизировать» историю революции, однако существовала память о «другой революции» и даже о «другом Октябре».

Во-вторых, сам ресурс памяти и празднования создавал возможности для противников большевиков. Известная заранее локализация и привязка по времени, одновременная концентрация большого количества людей представляли возможность для организации антикоммунистических пропагандистских действий. Некоторыми российскими эмигрантами день 7 ноября отмечался как «День непримирения» с существующим в СССР режимом.

В-третьих, идеологизация проекта памяти делала восприятие канона очень уязвимым в случае ознакомления даже с доступными источниками. Так, даже чтение знаменитой книги Джона Рида могло разрушить целостную картину «начала новой эры» в советской политике памяти.

В-четвертых, сам культ революции и революционеров, бывший важным элементом советской политической культуры, символика революции позволяли оформить и легитимировать протест, который в известных обстоятельствах мог быть направлен против системы (Тбилиси в 1956 г., Новочеркасск в 1962 г. и др.).

Это проявилось и во время «перестройки». Нельзя утверждать, что память о революции была тогда важнейшим ресурсом политической мобилизации, однако её роль ощущалась. Лозунг «Вся власть Советам!» приобрёл новый смысл: он стал орудием разрушения политической монополии Коммунистической партии, властям сложно было критиковать знаменитый призыв революции, легитимировавший большевистский режим.

Порой тексты, ритуалы и символы «выворачивались наизнанку», им придавалось противоположное значение. Так, день 7 ноября использовался для проведения антикоммунистических акций. Контраст между привычной церемонией празднования и используемыми лозунгами придавал им особую силу.

Большевистская политическая культура оказывала видимое влияние на Б. Н. Ельцина, его выступление с танка в августе 1991 г. было хорошо узнаваемой революционной цитатой: броневик Ленина, олицетворявший передовые военные технологии начала XX века, был заменен современной боевой машиной. В поле влияния советской революционной традиции на-

³ Geldern J., von. *Bolshevik Festivals*. Berkeley; Los Angeles; London, 1993.

ходились и многие антикоммунисты, и – осознавали они это или нет – это было одним из источников их успехов.

Участники политического процесса не могли игнорировать развитую культурную память о революции. Её следовало использовать, развивать, перекодировать. Некоторое время была популярна либерально-демократическая интерпретация революции: «плохому Октябрю», «перевороту», «путчу» противопоставлялся «хороший Февраль»; разгон Учредительного собрания рассматривался как поворотный пункт российской истории. Такой тезис игнорировал некоторые очевидные исторические факты (связь между Февралём и Октябрём, существенная поддержка, которой большевики и левые эсеры обладали в важнейших регионах, и др.). В целом попытка создания «демократической мифологии» революции была непрагматична: если коммунистическая и националистическая идеологии могли укреплять свое влияние, конструируя, реконструируя и распространяя старые и новые мифы, то либеральная и демократическая идеологии больше бы выиграли от максимальной рационализации исторического сознания, основанной на критическом осмыслении истории. К тому же после кризиса октября 1993 г. напоминание о разгоне Учредительного собрания большевиками и левыми эсерами могло уже работать против режима, пробуждая нежеланные ассоциации.

Между тем сам факт существования праздничных дат вынуждал совершать какие-то действия. Президент Б. Н. Ельцин 7 ноября 1996 г. подписал Указ, провозгласив 7 ноября Днём согласия и примирения, а 1997 г. провозглашался годом согласия и примирения⁴. (Некоторые лица в окружении Ельцина в качестве образца рассматривали политику памяти о гражданской войне в Испании – так, как они себе её представляли). Однако праздник примирения не получился, памятную дату продолжали использовать прежде всего коммунисты и их союзники, находившиеся в оппозиции к Ельцину. Они могли воспользоваться развитой и известной системой символов и ритуалов, разработанных в советский период. Сторонники же Ельцина не проявили креативности, не создали должных ритуалов и символов, адекватных декларируемой политике памяти.

В 2000 г. Русская православная церковь провозгласила Николая Второго и членов его семьи святыми. Можно предположить, что это повлияло на отношение многих россиян к личности последнего императора и его деятельности.

Режим президента В. В. Путина изменил политику памяти. Было решено сохранить привычный праздник в начале ноября, им стал «День народного единства», который отмечается 4 ноября⁵. В этот день в 1612 г.

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 07.11.1996 г. № 1537 «О Дне согласия и примирения» (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 26.11.2001 г. N 1360). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/10231>. Дата обращения: 02.08.2016 г.

⁵ См.: *Isabelle de Kéghel*. Verordnete Abschied von der revolutionären Tradition: Der «Tag der nationalen Einheit» in der Russländischen Föderation // *Geschichtspolitik und Erinnerungskultur*

русское ополчение в Москве разбило польское войско (многие историки подвергают сомнению эту датировку). События Смутного времени были важны для русской православной церкви, династии Романовых и официальной концепции патриотизма в XIX – начале XX в. (последняя не была свободной от изрядной примеси полоноофобии). Это проявилось в возведении памятников, создании художественных произведений. Сейчас творцы исторической политики используют дореволюционные коммеморативные техники.

В 2004 г. был принят соответствующий закон, против него голосовали лишь коммунисты. День 7 ноября перестал быть выходным днём (в память о параде 1941 г. этот день считается Днём воинской славы России). Это решение не пользовалось поддержкой общественного мнения, опрос в ноябре 2007 г. показал, что 63 % выступали против отмены праздника 7 ноября (по другим данным – 58 %). Это не всегда было связано с идеологическим выбором: одни желали сохранить привычный праздник, а другим не нравился – по разным причинам – праздник новый. И сегодня количество людей, считающих, что праздник не следовало упразднить, довольно велико – 50 %⁶.

Праздник 4 ноября приживался с трудом. Согласно опросам общественного мнения и в 2008 г. лишь 28 % опрошенных смогли правильно назвать новый праздник. 21 % процент опрошенных предпочитали праздновать «День Октябрьской революции». Если день 7 ноября создавал благоприятные возможности для коммунистов и их союзников, то 4 ноября особенно активно используется националистическими силами, которые проводят так называемый «Русский марш». Это создаёт немало проблем для властей («Русский марш» 2015 г. это продемонстрировал).

В год 90-летнего юбилея революции тон для общественной дискуссии задавала давняя статья А. И. Солженицына, перепечатанная в правительственном издании⁷. Писатель отмечал, что «революция началась без революционеров», он не щадил генералов, бюрократов, духовенство, императора. Но главная ответственность за революцию, которая описывается как нацио-

im neuen Russland (Formen der Erinnerung) / Lars Karl: Igor Polianskii. Göttingen, 2009. S. 119–140.

⁶ Савельев О. Октябрьская революция: причины и последствия (02.11.2011 г.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.levada.ru/2011/11/02/oktyabrskaya-revolutsiya-prichiny-i-posledstviya>. Дата обращения: 25.05.2016 г.

Savel'ev O., *Oktyabr'skaya revolyutsiya: prichiny i posledstviya* (02.11.2011 g.). [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.levada.ru/2011/11/02/oktyabrskaya-revolutsiya-prichiny-i-posledstviya>

⁷ Солженицын А. И. Размышления над Февральской революцией. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.solgenizin.net.ru/razdel-al-elbook-615/>. Дата обращения: 06.07.2016 г.

Aleksandr Isaevich Solzhenitsyn, *Razmyshleniia nad Fevral'skoi revoliutsiei (Reflections on the February Revolution)* // Rossiiskaia gazeta, 2007). A. Solzhenitsyn, "Razmyshleniia nad fevral'skoi revoliutsiei" (Reflections on the February revolution), *Rossiiskaia gazeta*, February 27, 2007, available at <http://www.solgenizin.net.ru/razdel-al-elbook-615/> (accessed July 6, 2009).

нальная катастрофа, возлагалась автором на интеллигентов, либералов, радикалов.

Выводы Солженицына стали тиражировать историсофствующие политики и политиканствующие историки. В начале 2007 г. тогдашний заместитель руководителя Администрации президента Российской Федерации В. Ю. Сурков заявил: «Революция – это прежде всего разорение, истребление. Мы плачем о демографии, а сами тоскуем по потрясениям. Нужно навсегда изъять революцию из нашей политической практики». Он с удовольствием цитировал Г. А. Зюганова, лидера Коммунистической партии Российской Федерации, который заявил: «... лимит на революцию в нашей стране исчерпан». «Уроки Февраля» сформулированные Сурковым как советы «начинающим либералам», звучат так: «Оставить надежды ослепить родную страну с помощью иностранных правительств... Ни для кого не секрет, что и тогда ряд политических сил разорались, из разных соображений, на поддержку иностранных государств»⁸.

Схожую интерпретацию предлагают и ныне многие авторы, пишущие о революции: немало обладателей учёных степеней до сих пор «объясняет» революцию деятельностью немецких агентов, английских спецслужб, масонских лож. Конспирологическая интерпретация истории востребована российскими СМИ, подобное видение истории присуще современному детективизированному массовому сознанию, которое движущей силой истории считает заговоры и тайные общества.

Уже юбилей 2007 г. показал, что на восприятие революции оказывает влияние глобальный контекст – «цветные революции». В XX в. СССР был крупнейшим экспортером революций, а ныне режим стремится не допустить импорта революции (считая важнейшей причиной революции «импорт»), введя соответствующее историсофское «эмбарго». И, похоже, в этом он пользуется некоторой поддержкой многих граждан России.

Во-первых, конспирологические теории в их разных вариантах – включая демократические и либеральные, весьма распространены, поэтому значению внешнего фактора в революционных потрясениях люди готовы придать особенно большую роль (это, впрочем, присуще не только России).

Во-вторых, за последние 40 лет существенно изменилось отношение россиян к самому феномену революции: революция потеряла романтический ореол. В событиях 1991 и 1993 гг. миф революции успешно использовался разными силами, но впоследствии его ресурс был исчерпан: 1990-е гг. заставили россиян думать о цене революции; сложная реальность времени, которое многие воспринимают как «лихие девяностые», противоречила завышенным ожиданиям многих энтузиастов «перестройки». Именно жизненный опыт, а не изучение трудов авторов «Вех», Ильина, Солженицына и их эпигонов повлияли на эту динамику. Большинство жителей Рос-

⁸ *Закатнова А.* Курс начинающего либерала // Российская газета. 15 март. 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2007/03/15/fevral-surkov.html>. Дата обращения: 06.07.2016 г.

сии не желают новой революции, к их числу относятся и те, кто положительно относится к Февралю или (и) Октябрю.

Исследование Фонда общественного мнения, проведённое в 2012 г., показало, что 41 % опрошенных оценивают Октябрьскую революцию, как явление скорее положительное, чем отрицательное, 22 % оценили Октябрьскую революцию отрицательно. При этом 35 % заявили, что революция оказала положительное воздействие на жизнь их семей (50 % затруднились дать ответ), а 26 % заявили, что воевали бы на стороне красных (лишь 5 % готовы были воевать за белых, 20 % постаралось бы избежать участия в Гражданской войне, а наибольшее количество опрошенных, 39 %, затруднились дать ответ). Для 47% россиян 7 ноября не является значимым днем⁹. Интересно, что формулировки вопросов, данные социологами, уже предполагают описание Гражданской войны как войны красных и белых (что исторически неверно), это один из тех случаев, когда организаторы социологических опросов десятилетиями оказывают воздействие – не очень положительное – на историческую память. Опрос, проведённый в 2011 г. Левада-центром показал, что 53 % опрошенных оценило Октябрьскую революцию положительно, 27 % – отрицательно (суммируются разные варианты ответов). При этом социологи отмечали, что за 20 лет в оценке революции россиянами существенных изменений не произошло. 53 % считали, что причиной революции было тяжёлое положение трудящихся¹⁰.

Согласно опросу, проведённому Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2012 г., 78 % россиян считали, что революцию нельзя допустить «что бы ни случилось», лишь 13 % считали, что России нужна революция. При этом 40 % опрошенных считали революцию «исторической неизбежностью», а 43 % объясняли революцию тяжёлым положением народа, т. е. признавали, что для неё были объективные причины¹¹.

В этом отношении Россия крайне отличается от Украины, в которой революционная традиция весьма влияет на политическую ситуацию. У этой традиции есть разные источники, в первую очередь историческая приверженность ряда украинских движений идее национальной революции, но скрытое влияние советской памяти о революции тоже присутствует. Иногда это проявляется и в прямом цитировании. Представители радикальных организаций, недовольные относительно умеренным характером власти, возникшей после свержения режима Януковича, выдвигали лозунги: «Долой министров-капиталистов», «Долой Временное правительство». Это – прямые отсылки к той версии истории, которая была знакома каждому советскому школьнику. Но ещё более интересно скрытое влияние, эстетика прославления вождей, героев и мучеников «национальной революции» ис-

⁹ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fom.ru/Proshloe/10685>. Дата обращения: 24.05.2016 г.

¹⁰ См.: Савельев О. Указ. соч.

Savel'ev O., *Op. cit.*

¹¹ Пресс-выпуск №2158 (06.11.2012 г.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=113319>. Дата обращения: 23.05.2016 г.

пользует стиль прославления «пламенных революционеров» в советской политической культуре.

Энтузиазм многих украинцев по поводу феномена революции в России не разделяет большинство опрошенных. Не следует считать это лишь результатом постимперского синдрома: во время украинских событий 2013–2014 гг. социологи фиксировали, что многие россияне испытывали страх (до 15 % в Феврале 2014 г.). Эта распространенная боязнь «импорта революции», связанная и с опытом «перестройки» и с культурной памятью о Гражданской войне, является для Кремля важным ресурсом.

II. 2014.

1 августа 2014 г. в Москве был открыт монумент героям Первой мировой войны, на церемонии присутствовали представители российской политической и военной элиты. Памятник воздвигнут на Поклонной горе недалеко от монументов, посвящённых Отечественной войне 1812 года и Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Первая мировая война вписывалась в ряд событий, особенно важных для российской идентичности. В. В. Путин произнёс речь, он говорил о том, что подвиги русских солдат оказались «в забвении»: война, «которую весь мир именует Великой, была вычеркнута из отечественной истории, она называлась просто империалистической»¹².

Президент так объяснял выход России из войны: «... победа была украдена у страны. Украдена теми, кто призывал к поражению своего Отечества, своей армии, сеял распри внутри России, рвался к власти, предавая национальные интересы». Оратор не назвал определённо те силы, которые «предавали» национальные интересы. Известно, что к поражению России призывал Ленин (и этого он требовал от социалистов других «империалистических» стран), хотя в этой речи он прямо не был упомянут.

Ранее же В. В. Путин определённо указывал на ответственность большевиков за поражение в войне. 27 июня 2012 г. в Совете Федерации он заявил: «Наша страна проиграла эту войну проигравшей стороне. Уникальная ситуация в истории человечества. Мы проиграли проигравшей Германии, по сути, капитулировали перед ней, она через некоторое время сама капитулировала перед Антантой. Это результат предательства тогдашнего правительства. Это очевидно, они боялись этого и не хотели об этом говорить, поэтому замалчивали... Они искупили свою вину перед страной в ходе Второй мировой войны, это правда. Сейчас не будем говорить о цене – это другой вопрос, но замалчивали именно поэтому»¹³. Создаётся впечатление, что президент

¹² Здесь и далее речь В. В. Путина цитируется по ресурсу: <http://kremlin.ru/transcripts/46385>

¹³ Известия. 27 июня. 2012 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/528739>. Дата обращения: 25.05.2016 г.

был искренним, критикуя Ленина, подобные взгляды он высказывал и в тех выступлениях, которые были импровизированными¹⁴.

В 2014 г. В. В. Путин должен был учитывать настроения тех своих сторонников, которые не были готовы принять антикоммунизм в качестве основы официальной политики памяти, поэтому вождь большевиков и его партия не были упомянуты. С другой стороны, некоторые историки и журналисты указывают на заговоры, в которых участвовали накануне революции российские либералы и деятели национальных движений (порой речь идёт о заговорах масонов, британских или германских спецслужб). Это предоставляет возможность для различных интерпретаций речи Путина. Некоторые обозреватели сравнивали подобные теории заговора с «легендой об ударе кинжалом в спину», созданной немецкими консервативными и правыми силами для объяснения причин поражения Германии. Однако этот фрагмент речи Путина мог иметь и более поздние источники, созданные уже в СССР.

К теме «предательства» Путин вернулся на встрече с молодыми историками 5 ноября 2014 г.: «В этом году мы много говорили о Первой мировой войне, и, я считаю, что очень правильно и достаточно объективно подавалась информация о Первой мировой войне. [...] Нас развалили изнутри – вот что произошло. Россия объявила себя проигравшей. Кому? Стране, которая сама проиграла войну»¹⁵.

Проект памяти о Первой мировой войне и революции, изложенный в выступлениях президента и поддерживаемый значительной частью политической элиты и академического истеблишмента, отличает разрыв с традиционной советской моделью описания причин и хода «империалистической» войны. Исключительное внимание уделяется теме героизма солдат, а это означает, что иные аспекты памяти о войне, иные участники войны – беженцы, военнопленные, дезертиры, пацифисты и, конечно, революционеры-интернационалисты – занимают в официальном повествовании периферийное положение, а то и подлежат забвению. Российский проект политики памяти рассматривается как часть памяти «всего мира», именующего войну «Великой», но, с другой стороны, версия о постоянном миролюбии России противопоставляется памяти многих европейских стран, которые – в разной степени – критически пересматривают свою историю и ждут этого от других государств.

Забыта ли Первая мировая война в России? Ответ дает опрос, проведённый Фондом общественного мнения в конце июля 2014 г.¹⁶ 63 % опрошенных заявили, что они либо читали книгу, посвящённую войне,

¹⁴ Шаповалова А. Путин: Ленин заложил под Россию «атомную бомбу» // Известия. 21 янв. 2016 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/602230#ixzz49eI3jMsQ>. Дата обращения: 25.05.2016 г.

¹⁵ Встреча с молодыми учёными и преподавателями истории. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/46951>. Дата обращения: 06.06.2016 г.

¹⁶ Образ Первой мировой (Первая мировая война в исторической памяти россиян. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fom.ru/Proshloe/11637>. Дата обращения: 06.06.2016 г.

либо смотрели какой-либо фильм (спектакль). 3 % опрошенных (максимальное число) утверждают, что их мнение о войне сформировалось под воздействием романа М. Шолохова «Тихий Дон». Но одновременно 3 % опрошенных указали, что их представление о войне сформировались при чтении... «Войны и мира». И это не единственный случай, когда указывался довольно странный источник информации об истории Первой мировой войны: 1 % опрошенных упомянул фильм С. Эйзенштейна «Броненосец Потемкин».

Опрос свидетельствует об особом восприятии истории войны и революции в современной России:

– многие опрошенные не знают практически ничего о той войне, хотя при этом думают, что обладают соответствующими знаниями. Хотя и о других событиях истории граждане России знают довольно плохо, возможно, Первая мировая война более забыта, чем иные войны;

– у современных россиян нет какого-то основного текста (образа), который бы формировал общую память о той войне;

– редко упоминаются зарубежные произведения литературы и искусства (лишь 1 % опрошенных назвал роман Э. М. Ремарка «На Западном фронте без перемен»;

– историки – исследователи и преподаватели – оказывают ничтожное воздействие на формирование памяти: не упоминается ни один исторический труд, и лишь 1 % опрошенных упомянул, что их представления о войне сформировались под воздействием школьного учебника;

– не упоминаются в качестве источника информации произведения литературы и искусства, созданные в России в годы войны;

– не называются произведения, созданные русскими писателями и художниками в эмиграции (упоминается роман А. Толстого «Хождение по мукам», однако современным читателям известна преимущественно его советская версия).

– память о Первой мировой войне тесным образом связана с памятью о революции и Гражданской войне: наряду с романом Шолохова респонденты называли произведения М. Булгакова (роман «Белая гвардия» и пьеса «Дни Турбиных») и «Хождение по мукам» А. Толстого.

Для современных россиян Первая мировая война действительно является забытой войной, хотя, как показало, например, исследование Карен Петрон, по отношению к Первой мировой войне в СССР реализовывались разные проекты памяти.¹⁷

Ещё до юбилейного 2014 г. осуществлялись издательские проекты, призывавшие вспомнить «забытую войну», создавались документальные фильмы. Восстанавливались военные кладбища, устанавливались памятные знаки. В 2011 г. в Париже был установлен памятник российским солдатам Первой мировой войны, он должен был напомнить французам о

¹⁷ *Petrone, Karen. The Great War in Russian Memory. Bloomington, 2011.*

былом союзнике. В церемонии его открытия участвовал президент РФ В. В. Путин¹⁸.

Различные организации пытались влиять на официальную политику памяти, лоббируя свои проекты. Им, похоже, удалось влиять и на официальное проведение юбилея 2014 г. Представители Фонда «Русский мир» ещё в 2010 г., указывали, что память о Великой войне может стать фактором, объединяющим Россию и российские диаспоры, в том числе представителей «старой» эмиграции. Современный официальный проект исторической политики действительно во многом совпадает с политикой памяти части эмиграции: «праведная» мировая война противопоставлялась ими «протоестественной» гражданской. Н. Нарочницкая возглавляет Фонд исторической перспективы, который инициировал ряд проектов, в своих выступлениях она нередко указывала на роль российских либералов в подготовке революции¹⁹. Поправки в Федеральный закон «О днях воинской славы и памятных датах России» были приняты Государственной Думой и Советом Федерации в 2012 г. День 1 августа был объявлен Днём памяти российских воинов, погибших в Первой мировой войне 1914–1918 гг.²⁰

Не следует рассматривать стремление «вспомнить» ту войну лишь как реализацию проектов, предложенных сверху. В Волгограде, например, 1 августа 2014 г. был открыт памятник «Жителям Царицына – участникам Первой мировой войны 1914–1918 гг.». Инициативную группу возглавил предприниматель, создавший особый благотворительный фонд, для сбора средств были использованы социальные сети.²¹ Аналогичные памятники были воздвигнуты и в других городах. Появилось Общество потомков участников Первой мировой войны. Немалую активность в дни юбилея проявили члены объединений реконструкторов.

Однако и после 2014 г. война остаётся «забытой». У жителей России нет объединяющих символов и текстов, которые создавали бы общее восприятие той войны, а в этой ситуации возведение памятников и обустройство памятных мест не могут привести к созданию значимых

¹⁸ См.: Юнашев А. В Париже открыли памятник русскому солдату. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lifenews.ru/news/61750>. Дата обращения: 21.06.2016 г.

¹⁹ Tolz V. Modern Russian Memory of the Great War, 1914 – 1920 // The Empire and Nationalism at War / Ed. E. Lohr, V. Tolz, A. Semyonov, M. Von Hagen. Bloomington, 2014. P. 257–285.

²⁰ Федеральный закон от 13 марта 1995 г. N 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/1518352>. Дата обращения: 21.06.2016 г.

²¹ Великая война: герои достойны уважения и памяти (18.08.2014 г.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://images.google.de/imgres?imgurl=http%3A%2F%2Fprofiok.com%2Fupload%2Fmedialibrary%2F59d%2F59d6cb9349a88fc2e829f9bf685aa143.jpg&imgrefurl=http%3A%2F%2Fprofiok.com%2Fabout%2Fnews%2Fdetail.php%3FID%3D1990&h=425&w=640&tbnid=7307H1dtm5IZnM%3A&docid=2HbAF7wSvFoZKM&ei=DRRQV-mHtuWPgAadj6SoAQ&tbm=isch&iact=rc&uact=3&dur=1727&page=1&start=0&ndsp=42&ved=0ahUKewipwu-vmonNAhXIB8AKHZ0HCRUQMwgiKAMwAw&bih=895&biw=1920>. Дата обращения: 02.06.2016 г.

национальных «мест памяти». Разумеется, и во время войны, и после её окончания в СССР и в эмиграции такие тексты и образы появлялись, но значения известных всем объединяющих инструментов политики памяти они не приобрели. Главная причина заключается в том, что травматический опыт революции и Гражданской войны оказался более важен для писателей и художников, их читателей и зрителей. Если Первая мировая война остаётся «забытой» несмотря на все усилия её «вспомнить», то революция и Гражданская война являются теми событиями, которые невозможно забыть. Их можно только интерпретировать другим образом.

III. 2017.

Юбилей 2014 г. позволяет предположить некоторые направления трактовки истории революции:

1. Востребованы будут конспирологические интерпретации революции. Интрига заключается в том, какие именно «теории заговора» станут доминировать (многое зависит от развития российско-украинских отношений и комплекса проблем, с этим связанных). «Внутренний враг» будет назван, но сейчас его угадать сложно. Впрочем, некоторые авторы ухитряются совместить чуть ли не все конспирологические модели описания революции, хотя сложно понять, как противостоящие друг другу заговоры могли быть успешными. (Подобный подход присущ книгам Н. Старикова, который череду революционных событий описал как комплекс «специальных операций») ²². К сожалению, и некоторые исследователи видят в революции прежде всего процесс манипулирования, один из наиболее известных российских историков Б. Н. Миронов объясняет успех революции успешной «PR акцией» ²³.

2. Разные теории заговора будут пользоваться известным спросом. В 2012 г. 10 % опрошенных были убеждены, что причиной революции был заговор врагов русского народа (за десять лет число людей, придерживающихся такого мнения, увеличилось вдвое). Опрос, проведенный в 2011 г., дал схожие результаты: число людей, считающих, что причиной Октябрьской революции стал заговор врагов русского народа увеличилось с 6 % в 1990 г. до 12 % в 2011 г. Интересно, что по сравнению с другими группами это мнение чаще всего разделяли члены КПРФ ²⁴. «Конспирологическая модель» востребована не только в России. «Теории заговора» соответствуют «детективизированному» сознанию, присущему обывателю. Такая интерпре-

²² Стариков Н. 1917. Не революция, а спецоперация! М.; 2007; Шубин А. В. Конспирологи о причинах Февральской революции // Историческая экспертиза. 2014. № 1. С. 75–99.

Starikov N., 1917. *Ne revolyutsiya, a spetsoperatsiya!* M.; 2007; Shubin A. V. *Konspirologi o prichinakh Fevral'skoi revolyutsii*, Istoricheskaya ekspertiza, 2014, № 1, S. 75–99.

²³ Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России, XVIII – начало XX века. М., 2012. С. 696.

Mironov B. N., *Blagosostoyanie naseleniya i revolyutsii v imperskoi Rossii, XVIII – nachalo XX veka*, M., 2012, S. 696.

²⁴ См.: Савельев О. Указ. соч.

Savel'ev O., *Op. cit.*

тация присуща и политической аналитике, придающей гипертрофированное значение какому-то одному фактору, например, деятельности спецслужб или тайных обществ. Но мне кажется, что конспирологические версии понимания истории революции имеют свои ограничения: развитая культурная память блокирует столь примитивное понимание истории революции.

3. Любой проект исторической политики будет находиться в поле мощного влияния богатой культурной памяти о революции и Гражданской войне. Здесь мы сталкиваемся с картиной, обратной памяти о Первой мировой войне: обилие значимых и известных текстов и образов таково, что Гражданскую войну эту забыть невозможно, а любой политический проект, игнорирующий этот контекст культурной памяти, обречен если не на неудачу, то на деформацию.

Активная деятельность министра культуры Российской Федерации В. Мединского позволяет высказать предположение относительно других возможных направлений политики памяти. Высокопоставленный чиновник, имеющий учёную степень историка, известен своими инициативами, в которых прошлое России интерпретируется так, чтобы стать инструментом патриотического воспитания. В мае 2015 г. он представил «тезисы национального примирения». В. Мединский предлагает осудить любые попытки поддержки политических действий извне, этот призыв, пригодный для современного использования, отсылает к конспирологическим теориям. Вместе с тем министр предлагает признать патриотизм и белых, и красных, он поддержал инициативу возведения памятника национального примирения в Крыму²⁵. Выбор места для памятника обосновывается тем, что последние значительные регулярные формирования белых были эвакуированы с территории полуострова в ноябре 1920 г. Современный политический контекст придаёт этому предложению особый смысл. Появилось сообщение о том, что концепцию памятника примирения в Крыму обсудила правительственная комиссия по делам соотечественников за рубежом под председательством главы МИД РФ Сергея Лаврова²⁶.

Существует некоторый общественный спрос на такой памятник. Памятники примирения были установлены в Краснодаре (1997) под Санкт-Петербургом (1997) и в Новочеркасске (2005).²⁷

Памятник, наверное, будет возведён. Возможно, связанные с его открытием церемонии приобретут особую роль в официальной исторической политике, однако проект национального примирения вряд ли реализуем в ближайшее время. Этот проект мало считается с современ-

²⁵ *Мединский В.* Тезисы национального примирения России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/vladimir-medinskiy-gaznitsa-vo-mneniyah-o-revoljutsii-1917-goda-povod-dlya-dialoga-a-ne-konflikta-video-1/>. Дата обращения: 26.06.2016 г.

²⁶ Проект «Памятника примирения» в Крыму обсудили на правительственной комиссии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://riarealty.ru/urban/20160318/407148915.html>. Дата обращения: 25.05.2016 г.

²⁷ Интересно, что их отличала и некая общая стилистика. Так, создатели всех памятников используют изображения форменных головных уборов красных и белых армий.

ным уровнем исследования Гражданской войны и с локальными проектами памяти, реализуемые ныне на территории громадной и разнообразной страны. Представление о том, что эта война была войной белых и красных является столь большим упрощением, которое выглядит уже как ошибка: массовые крестьянские восстания и Кронштадтский мятеж произошли уже после эвакуации белых из Крыма. Красно-белое видение Гражданской войны игнорирует и участие в ней национальных движений, и этнические конфликты той поры. Впрочем, исторические аргументы такого рода не останавливают авторов подобных проектов политики памяти, которые не учитывают ни труды исследователей, ни уровень знаний тех жителей страны, которые серьезно интересуются историей.

Важнее то, что подобный проект вызвал отторжение у самых различных сил: и сегодня в обществе нет запроса на примирение, даже в той форме, которую предлагает Мединский. Подрыв памятников Николаю Второму и Ленину в недавнем прошлом свидетельствует о том, что в России существуют группы, решительно и активно выступающие ПРОТИВ примирения с разных идеологических позиций.

И это связано ещё с одной особенностью грядущего юбилея: можно с уверенностью предположить, что и историческое осмысление революции, и отражение её в проектах памяти будут проявляться в новых версиях старых партийных историй.

Первыми историками революции были её участники. Милюков и Троцкий, Деникин и Керенский, Шульгин и Шляпников создали тексты, в которых исследования переплетались с воспоминаниями. И по сей день в России отцы-основатели этих партийных историографий оказывают гораздо большее воздействие на историческое сознание, чем труды какого-либо современного историка (в иных странах ситуация представляется мне несколько иной). Таким образом, 2017-й год станет «битвой истпартов», в которой будут представлены все оттенки коммунизма, социализма, либерализма, национализма, консерватизма и империализма, и в этой битве «партийные историки» будут пользоваться поддержкой действующих политических акторов. Отношения к событиям столетнего прошлого связаны с современными политическими предпочтениями.

Профессиональные историки не будут оказывать особого влияния на политику памяти. Ни труды исследователей, ни учебники не являются значимыми факторами формирования представлений о прошлом. Низкий общественный статус корпорации и привычка читателя к идеологизированной историографии не позволяет предполагать, что ситуация изменится.

Российская революция не будет «закончена» вопреки высказыванию известного французского историка Ф. Фюре, который в конце XX в. сказал: «Революция закончена»²⁸. Во Франции отношение к событиям Революции

²⁸ «La révolution est terminée» – заглавие части книги Ф. Фюре: François Furet, *Penser la Révolution française* (Paris: Gallimard, 1978).

перестало быть значимым политическим вопросом, и дело тут не только во временной дистанции: в Сербии, Северной Ирландии события ещё более давние и поныне пробуждают политические страсти. Можно с уверенностью сказать, что и в начале 2018 г., после завершения юбилейных событий, мы не сможем зафиксировать «окончание революции». Революция продолжает оставаться предметом политического использования, а отношение к революции продолжает служить маркером политических взглядов.

Итак, можно сделать следующие прогнозы относительно предстоящего юбилея 2017 г. Новый импульс получают конспирологические теории разной направленности – националистические, державные, коммунистические и либеральные. Версия революции как заговора имеет шансы на распространение.

Будут предприняты попытки некоторого «исторического примирения» – без больших шансов на успех. Доминировать будут разные «партийные» версии истории. Богатая и развитая культурная память о революции будет оказывать большое влияние на все проекты исторической политики. Её значение только возрастет вследствие затухания коммуникативной памяти. Всё это делает жизнь профессионального историка интересной и... непредсказуемой.

Список литературы:

1. *Миронов Б. Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России, XVIII – начало XX века. М., 2012. С. 696.
2. *Савельев О.* Октябрьская революция: причины и последствия (02.11.2011 г.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.levada.ru/2011/11/02/oktyabrskaya-revolyutsiya-prichiny-i-posledstviya>. Дата обращения: 25.05.2016 г.
3. *Стариков Н.* 1917. Не революция, а спецоперация! М.; 2007;
4. *Шубин А. В.* Конспирологи о причинах Февральской революции // Историческая экспертиза. 2014. № 1. С. 75–99.
5. *Corney Frederick C.* Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution. Ithaca: Cornell University Press, 2004, P. 301.
6. *de Keghe, Isabelle* Verordnete Abschied von der revolutionären Tradition: Der «Tag der nationalen Einheit» in der Russländischen Föderation // Geschichtspolitik und Erinnerungskultur im neuen Russland (Formen der Erinnerung) / Lars Karl: Igor Polianskii. Göttingen, 2009. S. 119–140.
7. *Furet, François*, Penser la Révolution française. Paris: Gallimard, 1978.
8. *Geldern J., von.* Bolshevik Festivals. Berkeley; Los Angeles; London, 1993
9. *Petrone, Karen.* The Great War in Russian Memory. Bloomington, 2011.
10. *Scherrer Jutta* Erinnern und Vergessen: Russlands Umgang mit (seiner) Geschichte in einer europäischen Perspektive // Geschichtspolitik und Erinnerungskultur im neuen Russland (Formen der Erinnerung) / Lars Karl: Igor Polianskii. Göttingen, 2009. S. 23–40.

11. Tolz V. Modern Russian Memory of the Great War, 1914 – 1920 // The Empire and Nationalism at War / Ed. E. Lohr, V. Tolz, A. Semyonov, M. Von Hagen. Bloomington, 2014. P. 257–285.

PREDICTABLE PAST IN AN UNPREDICTABLE FUTURE? THE ANNIVERSARY OF THE REVOLUTION, THE POLITICS OF MEMORY AND CULTURAL MEMORY IN CONTEMPORARY RUSSIA

B. I. Kolonitskij

The European University at St. Petersburg, the Department of History; the Russian Academy of Sciences, the Saint -Petersburg Institute of History, *Saint-Petersburg, Russia*

The article is devoted to the contemporary Russian politics of memory. Author demonstrates how existing cultural memory of the First World war and the Revolution of 1917 limits different projects of the politics of memory. Therefore we can expect that the anniversary of 2017 would be used by different political actors for their own political agenda. There is no chances for real national conciliation as far as the memory of revolution is concerned. At the same time contradicting memory project share same interpretation tools: many political actors view the Revolution of 1917 (and the phenomenon of revolution) as a result of conspiracy. At this stage we can't expect that community of historians could influence the cultural memory.

Keywords: *Российская революция 1917 года, Russian revolution, 1917, World war I, anniversaries, historical memory, the politics of memory, cultural memory, communicative memory, cultural memory and historiography.*

Об авторе:

КОЛОНИЦКИЙ Борис Иванович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории, РАН, (197110, Россия, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7), e-mail: kolon@eu.spb.ru

About the author:

KOLONITSKIJ Boris Ivanovich – the Doctor of History, the Professor, the Leading Researcher, the Saint-Petersburg Institute of History, the Russian Academy of Sciences, (197110, Russia, Saint-Petersburg, Petrozavodsk Str., 7), e-mail: kolon@eu.spb.ru

References

- Mironov B. N. Blagosostoyanie naseleniya i revolyutsii v imperskoi Rossii, XVIII – nachalo KhKh veka. M., 2012. S. 696.
Savel'ev O. Oktyabr'skaya revolyutsiya: prichiny i posledstviya (02.11.2011 g.). [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa:

<http://www.levada.ru/2011/11/02/oktyabrskaya-revolutsiya-prichiny-i-posledstviya>. Data obrashcheniya: 25.05.2016 g.

Starikov N. 1917. Ne revolyutsiya, a spetsoperatsiya! M.; 2007; Shubin A. V. Konspirologi o prichinakh Fevral'skoi revolyutsii // Istoriche-skaya ekspertiza. 2014. № 1. S. 75–99.

Yunashev A. V Parizhe otkryli pamyatnik russskomu soldatu. [Elektronnyi resrus]. Rezhim dostupa: <http://www.lifenews.ru/news/61750>. Data obrashcheniya: 21.06.2016 g.

Corney Frederick C. Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution. Ithaca: Cornell University Press, 2004, R. 301.

de Keghe, Isabelle Verordnete Abschied von der revolutionären Tradition: Der «Tag der nationalen Einheit» in der Russländischen Föderation // Geschichtspolitik und Erinnerungskultur im neuen Russland (Formen der Erinnerung) / Lars Karl: Igor Polianskii. Göttingen, 2009. S. 119–140.

Статья поступила в редакцию 20.06.2016 г.